

Из истории культурной жизни в Крыму

накануне Русского Исхода

Доклад был прочитан 16.11.2020 на научной конференции «100 лет Русскому Исходу» в г. Симферополь. Публикуется в рамках социально значимого проекта «Уроки Гражданской войны – Русский Исход 1920-2020», реализуемого НБФ «Наследие» с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

В истории Крыма осень нынешнего 2020 года ознаменована по меньшей мере двумя юбилеями: 100-летием Русского Исхода и 200-летием со времени пребывания А.С. Пушкина в Тавриде. В этой связи считаю полезным напомнить читателям о чрезвычайно ярком и характерном событии в истории культурной жизни в Крыму накануне Русского Исхода: о том, как 18 (31) октября 1920 года, за неделю до вступления на полуостров частей Красной Армии и начала чудовищного по размаху и жестокости красного террора, знаменитая крымская краеведческая организация – Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК) – провела заседание, посвященное памяти Пушкина.

Заседание проходило в переполненном публикой зале окружного суда (ныне – Голубой зал Центрального музея Тавриды; думается, в память об этом заседании в Голубом зале музея следовало бы установить мемориальную доску). Присутствовали следующие члены ТУАК: председатель ТУАК А.И. Маркевич, управляющий губернской казенной палатой А.П. Барт (менее чем через месяц он будет расстрелян чекистами), профессор Таврического университета философ, экономист, богослов, публицист и общественный деятель священник С.Н. Булгаков (вскоре он будет изгнан из университета, а в 1922 году – и из страны), профессор Таврического университета историк, начальник отдела печати в правительстве генерала П.Н. Врангеля Г.В.

Вернадский (через 12 дней он навсегда покинет Родину), профессор Таврического университета будущий академик литературовед Н.К. Гудзий, филолог Л.В. Жирицкий, священник Александр Зверев (впоследствии – архиепископ Елецкий Сергей, в 1937 году чекистами расстрелянный, а в 2000 году Русской Православной Церковью причисленный к лику святых), профессор Таврического университета историк литературы А.П. Кадлубовский (он вскоре скоростижно скончается), профессор Таврического университета философ П.П. Кудрявцев (в 1930-е годы он будет дважды репрессирован), профессор Таврического университета член-корреспондент Академии наук литературовед Е.В. Петухов, будущий классик советской литературы К.А. Тренев, востоковед В.И. Филоненко, профессор Таврического университета археолог и историк Н.Л. Эрнст (в 1938 и 1949 гг. он будет репрессирован, проведет в тюрьмах и лагерях 12 лет и умрет вдали от любимого им Крыма) и другие. Отсутствовавший на этом заседании академик В.И. Вернадский (в этот день В.И. Вернадский, три недели назад избранный ректором Таврического университета, впервые в новом качестве встречался со студентами) был избран в почетные члены ТУАК.

Объявив заседание открытым, А.И. Маркевич предложил собранию почтить память А.С.Пушкина. Собрание почтило память великого поэта вставанием. Затем были заслушаны доклады А.И. Маркевича «А.С. Пушкин и Таврида», Г.В. Вернадского «А.С. Пушкин как историк», Л.В. Жирицкого «А.С. Пушкин и Овидий», Н.К. Гудзиев «А.С. Пушкин как литературный критик».

Увы, в протоколе заседания ТУАК изложение докладов и прений по ним отсутствует. Предполагалось, что доклады будут напечатаны в намечавшемся к изданию сборнике. А сборник издан не был, так как через 13 дней после означенного заседания в Симферополь вошли части Красной Армии. Крым стал красным в прямом (от крови) и переносном значении этого слова...

Долгие годы (протокол заседания ТУАК от 18 (31) октября 1920 года,

посвященного памяти Пушкина, был обнаружен мною в архиве еще в конце 1970-х годов) меня занимал вопрос: а как реагировала тогдашняя крымская общественность на это ученое мероприятие, проведенное в разгар Гражданской войны? Ведь кругом – кровь, смерть, увечья, голод, холод, мрак, смрад, потеря Родины, искалеченные судьбы, физические и душевные страдания... Вспомни, читатель, хотя бы кинофильмы «Бег» и «Служили два товарища», в которых ярко и убедительно показано, *что* представлял собою Крым осенью 1920 года... Казалось бы, разве в такой обстановке людям могло быть дело до Пушкина?

Но интуиция историка-архивиста подсказывала мне, что *такое* заседание, проведенное в агонизирующем белом Крыму, не могло не оставить у современников благодарной памяти. Памяти, запечатленной в исторических источниках: либо в письмах, либо в дневниках, либо в мемуарах, либо в газетных очерках...

Интуиция не подвела. Листая издававшуюся в Симферополе в годы Гражданской войны газету «Таврический голос», я обнаружил в номере за 2 ноября 1920 года, т.е. вышедшем два дня спустя после заседания ТУАК, материал, озаглавленный «Памяти Пушкина». Материал этот, остававшийся неизвестным даже специалистам-пушкинистам, ниже предлагаю вниманию читателей.

ПАМЯТИ ПУШКИНА

Мы все растеряли Пушкина. Кто оставил заветный том в Москве и Питере, кто забыл его на бесконечных этапах от Москвы до Крыма – в Ростове, Екатеринодаре и Новороссийске, но милого заветного тома нет с нами. Только в душе осталась вечная трогательная любовь к нему, принесенная через все этапы, через все увлечения Бальмонтом и Блоком, акмеистами и футуристами. Мы сохранили эту любовь живой и нетленной, как хранит каждый из нас в мути увлечений и страсти свою первую юношескую любовь.

И, должно быть, именно потому на заседание Таврической ученой архивной комиссии, посвященное памяти поэта, пришло так много людей, так неожиданно много, что не вместил всех пришедших большой зал окружного суда. Пришли разные.

Пришел философ и мыслитель Сергей Николаевич Булгаков и молоденькая курсистка, что совсем недавно учила наизусть:

«Я вас люблю, к чему лукавить?»

Пришел безрукий офицер и пришла грустная седая дама в трауре.

Пришли и слушали.

Казалось, что можно сказать нового о Пушкине?

Но выступившие в заседании профессора и, в особенности, Г.В. Вернадский, доказали, что можно. Его короткий очерк «Пушкин как историк» познакомил публику с почти неизвестной стороной пушкинского гения. В 1837 году Россия потеряла не только своего величайшего поэта, но и крупного историка, которому только пуля Дантеса помешала написать историю России 18-го века. Но и в своем художественном творчестве Пушкин был историком. Недаром Ключевский по одному «Евгению Онегину» мог написать лекцию о постановке воспитания в России в начале 19-го века.

Публика разошлась поздно вечером, унеся с собой просветленный образ самого «вечного» из своих спутников.

Г.

В этом торжественном заседании было немного торжественности.

Холодно, неуютно. Президиум у стола, докладчики и публика – все в пальто.

Только в зале горят несколько электрических лампочек. В кулуарах – полутьма, и гуляет преждевременно наставший в Крыму мороз.

Холодно, неприветливо.

И все-таки небольшая зала полна народу, обогревшего ее своим дыханием.

Да на сердце было тепло.

Согревало сознание, что эту толпу людей, собравшихся, как заговорщики, в полумраке неотапленного здания, привлекло имя Пушкина.

В его память были приглашены собраты жители Симферополя.

Призыв Таврической Ученой Архивной Комиссии сойтись и почтить память величайшего русского поэта по случаю истечения столетия со времени его пребывания в Крыму был услышан, и те, кому дороги культурные ценности, откликнулись на этот призыв и собрались.

Нет, «к нему не зарастет народная тропа»...

Несмотря на тревогу военного лагеря, в условиях которого протекает наша жизнь, несмотря на тяжелые домашние заботы, связанные с холодом, проголодью и всяческими лишениями и бедами, – нашлось немало желающих идти поклониться тени Пушкина и в Симферополе.

Доклады о Пушкине читались один за другим, без перерыва.

Точно спешили.

Холодно.

Но холодно было в зале, а на душе было тепло от общения с духом великого поэта. Казалось, он тут, с нами, в этой холодной комнате, где все в пальто, – пришел и сел, как обещал. Вы помните, он говорил:

«Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный

И, долго слушая, скажите: “это он!

Вот речь его”! А я, забыв могильный сон,

Взойду невидимо и сяду между вами,

И сам заслушаюсь, и вашими словами

Упьюсь... И, может быть, утешен буду я

Любовью...»

Да, великий дух чудного поэта России витал среди собравшихся в холодной зале, и в ней было тепло, хорошо...

В. Фаусек

Напрашивается вопрос: кто тот таинственный автор, написавший первый из двух очерков о заседании ТУАК и скрывший свое имя за псевдонимом Г.?

Думаю, что автор – знаменитый филолог Николай Гудзий. В пользу такого предположения свидетельствует анализ содержания очерка, который выдает в его авторе литературоведа. А поскольку литературовед Гудзий и сам выступал на этом заседании с докладом, свой очерк, в соответствии с тогдашними научными традициями, он подписал псевдонимом, который, впрочем, нетрудно расшифровать.

Полагаю, что вышеприведенный материал убедительно свидетельствует о том, как в нечеловеческих условиях Гражданской войны люди, опираясь на традиционные культурные ценности, продолжали оставаться людьми.

Добавлю, что в результате Гражданской войны эмигрантами стали не только упоминавшиеся выше крупнейший русский философ и мыслитель С.Н. Булгаков и выдающийся русский историк Г.В. Вернадский, но и другие профессора Таврического университета: геолог академик Н.И. Андрусов, биолог С.И. Метальников, правовед П.И. Новгородцев, филолог В.А. Розов, философ Л.И. Шестов. Гигантские демографические, научные и культурные утраты, понесенные Россией в результате событий 1917 года и последовавшей за ними Гражданской войной, вероятно, никогда не удастся подсчитать в полном объеме. (Подробно о культурной жизни в Крыму во время Гражданской войны и о последовавшем вслед за Русским Исходом красном терроре со ссылками на источники и литературу см.: 1; 2).

ЛИТЕРАТУРА

1. Филимонов С.Б. Из прошлого русской культуры в Крыму: поиски и находки историка-источниковеда. – Симферополь: Н.Орианда, 2010. – 408 с., илл.

2. Филимонов С.Б. Тайны крымских застенков. Документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920 – 1940-е годы. – Изд. 3-е. доп. – Симферополь: «Бизнес-Информ», 2007. – 306 с., илл.